

*Борис (Багаудин)
Кодзоев*

*В созерцании повседневности,
или Диагностика абсурда*

*с.п. Орджоникидзевское
2013 г.*

Борис (Багаудин) Кодзоев

В созерцании повседневности,

или Диагностика абсурда

2013

Руководитель проекта

Ц. А. Газдиева

Редактор

Х. А. Накостоев

Верстка

А. Х. Хочубаров

Кодзоев Б. В созерцании повседневности, или Диагностика абсурда /
Борис (Багаудин) Кодзоев. – с.п. Орджоникидзеvское НБ РИ, 2013 – 56 с.

Уважаемый читатель!

Как-то к нам в библиотеку передали стихи, напечатанные печатной машинкой, на пожелтевшей от времени бумаге. Листы были скреплены в книжечку и им было дано название «В созерцании повседневности, или Диагностика абсурда». Стершиеся и немного побледневшие строки читались довольно трудно. Но это были удивительно лиричные и по-есенински грустные стихи о нашей действительности. Автор просто и по-детски непосредственно писал о переживаниях и размышлениях лирического героя, современного человека, жизнь которого полна трагических неурядиц, цепи событий, приводящих его к нравственному падению. По мнению автора стихов, с этим падением и связаны все несчастья нашего современника.

Стихов было много. Но мы решили выбрать из них некоторые и издать. Критерий отбора был только один: стихи должны были быть на разные темы, чтобы читатель имел представление о мировоззрении автора.

Вот так родилась эта книжка стихов поэта Бориса Кодзоева.

Мы знаем о нем очень мало. Борис (Багаудин) Мухарбекович Кодзоев родился 27 февраля 1969 года. Жил со своей матерью в Нальчике. Там же у него остались жена и сын. В 2005 году Борис трагически погиб.

Но хотелось бы сказать несколько слов о его стихах. Ведь о поэте главное могут сказать его стихи.

Лирический герой Бориса Кодзоева чутко улавливает все беды и невзгоды современности. Он пытается обратить наше внимание на то, что «во тьме ни за что убивают невинных», что «любовь ушла в бескрайние пустыни», и что это может нам еще аукнуться. Но «в жуткой толпе человекоподобных» изредка встречаются глаза, в которых «и чувство, и мысль, и смех, и слеза». И наличие в толпе этих глаз порождает в душе автора веру, что «в любой пустыне» можно встретить «оазис истинной любви». И эту свою веру автор хочет донести до нас. Он хочет докричаться до всех нас, что даже в самых трудных условиях можно и нужно оставаться настоящим человеком. А

настоящими людьми автор считает детей. Мерилом человечности для Б. Кодзоева является не многознание и не социальное положение, и даже не образованность в современном смысле слова, а нравственная чистота, детская непосредственность и бескорыстная любовь к людям. Ко всем людям. Он не делает между ними разницу. Ведь все люди ценны именно тем, что они разные: «красивые, прекрасные, белые, черные, желтые, красные, брюнетки, блондины, шатены, седые, наивные, циники, добрые, злые».

Он считает, что высшей добродетелью является умение «всей душой любить». В своих стихах Б. Кодзоев призывает нас любить и ценить людей, пока они живы. Ведь потом никакими слезами их из могилы не поднимешь.

Его стихи свидетельствуют о том, что крик души поэта тоже остался неслышанным.

Действительность такова, что современному человеку приходится «душить свои мечты» на «убого-квадратной стандартной кухне». Кстати, это стихотворение «На кухне стандартной...» есть, по сути, лаконичное изложение главных положений так называемой «философии абсурда», разработанной экзистенциалистами. Абсурд порождается столкновением – человеческого стремления к ясности, с одной стороны, и иррациональности мира, с другой стороны. Писатель-экзистенциалист, лауреат Нобелевской премии Альбер Камю в «Мифе о Сизифе» прямо пишет, что «абсурд рождается в столкновении между призывом человека и неразумным молчанием мира». То есть, когда желание человека наталкивается на непреодолимые законы вселенной.

Думаем, этим и определен второй заголовок книги: «Диагностика абсурда». Стихи Бориса Кодзоева свидетельствуют, что он остро чувствовал абсурдность своего противостояния с этим миром.

Автор показывает, что (в полном соответствии с народной перефразировкой известных слов основателя марксизма) быт определяет сознание. Поэт утверждает, что «сознание диктует быт», но тут же подвергает это утверждение сомнению

вопросом «а, может, Быт велит сознанию?». И дальше развивает этот тезис: «Быт давит Гения полет», «могилой служит Быт таланту». И чтобы совершить подвиг, достойный славы Атланта – «суметь в себе себя открыть» – необходимо поправить Быт. И если уж ты родился на Земле человеком, то необходимо стремиться реализовать свою божественную сущность – стать Творцом!

Похоже, сам поэт считал свою жизнь не совсем удачной. Он считает, что он чем-то близок бездомной собаке, в глазах которой он увидел «лужу тоски». И он сразу же обобщает эту мысль риторическим вопросом: «А сколько на свете собак и людей, как будто забытых у чьих-то дверей?». Лирический герой забыт теми, кого он любит!

«Ушла жена, и я один,
За мамой вслед ушел и сын».
По логике нужно бы написать
«Ушла жена, и я один,
А за женой ушел и сын»,

или,

«Ушла жена, за нею сын,
И я теперь совсем один»,

или что-то в этом роде. Чтобы не нарушать смысловую связь. Раз центральным героем является он, то все слова, выражающие родственные отношения, должны быть «привязаны» к этому герою. Но его сын уходит не за его женой, а за своей матерью, более того, за своей «мамой». Этим самым поэт как бы сигнализирует нам, что сам он был плохим отцом, плохим папой. Но в это невозможно поверить – человек, так чутко чувствующий людей, не может быть глух к проблемам своего сына. Так в чем же дело? Ответ, кажется, мы можем найти в стихотворении «Сыну». Думаем, дело в том, что сын не совсем понимал отца. «Мой сын, ты однажды сумел бы понять, все то, что хочу я тебе рассказать», – пишет он. В этом непонимании отец винит себя. Не зря он утверждает в другом месте, что «во всем человек виноват только сам».

Поэт страдает от разлуки с любимой женщиной. Ему не хватает ее. Все напоминает ему о ней. Ночная гроза, рассвет, шмель-забияка, который тоже «умеет страдать», радуга, музыка, «надежда, бесконечная, как ночь», любое явление, даже самое «неглавное». Ведь, по его мнению, высшей добродетелью является умение «всей душой любить». Любить, ничего не требуя взамен. Любить, даже если уже и надеяться не на что.

Уверены, стихи Бориса Кодзоева вызовут неподдельный интерес у читателей, так как в них есть живое чувство. Они вызваны к жизни не праздным времяпрепровождением и не голым желанием обратить на себя внимание. В них автор изливал свою боль «за тебя, за себя. За всех нас». В этих стихах пульсирует неизбывная тоска, которую он хотел бы «со страшною силой с балкона швырнуть». Но он не может «вернуть все назад». Именно это недовольство своей жизнью и является источником его тоски. Поэтому и невозможно ему избавиться от этой тоски, как невозможно уйти из современности.

О стихах Б. Кодзоева можно говорить много. Ведь в этих стихах отражена жизнь во всем многообразии ее проявлений.

Но лучше их прочитать самому.

Приятного Вам чтения.

В веренице забот нескончаемо длинных,
Повсеместно на свете убивают невинных.
Из-за денег, от злобы, а то от безделья,
Кровь и слезы укрыты завесой веселья.
Ошалелые люди в лавках хлебных и винных
Даже знать не хотят об убийствах невинных.
Проводя вечера у телеэкранов
Ненавидят и любят героев романов.
Не хотят люди слышать, и смотреть не желают,
Как кого-то во тьме ни за что убивают.
В своих норах-квартирах трусливо молчат,
И пока не уснут, трусливо дрожат.
Люди, Земляне, откройте глаза.
Это – рвутся снаряды, а не гром и гроза.
Завтра кончится хлеб, и наступит похмелье.
Где-то слезы, где смех, где беда, где веселье.
Пока наши вожди в позах книжно-картинных
Раздают ордена за убийства невинных.
Истребят скоро всех, виноватых и правых,
И не будет великих, но не будет и малых.
Будет в космосе желтой планета Земля,
Без людей и животных, без жилья и огня.
Будет царствовать смерть в государствах пустынных.
От того, что когда-то убили невинных!!!

В этой жуткой толпе человекоподобных,
Безответно любимых, безответно влюбленных.

Хоть не часто, но все же встречаешь глаза.

В них и чувство, и мысль,

В них и смех, и слеза.

Что случилось с людьми, куда катится мир?
Залп ружейной стрельбы расстрелял пенье лир.

Человек без лица, из толпы гражданин,

Свиста пуль дирижер, крематориев сын.

Но присутствие глаз в этой жуткой толпе,

Убеждает, что Мир не уступит беде.

Любовь ушла в бескрайние пустыни,
и правда жизни горечи полна.
Ни в чем нет утешенья ныне.
Весь яд испит бокалом для вина.
К чему искать пристанище в надеждах,
В мечтах напрасных разум свой томя.
Пустая вера, как дыра в одеждах,
Не скроет даже ночью глупость дня.
Ужасна лишь своим накалом страсти.
Бесцельно все без правды, без любви.
И если встал, со всеми попрощавшись,
Махни рукой, простя всем все, уйди.
В любой пустыне, даже самой жуткой,
Найдется чаша, полная воды.
И для души, к добру и правде чуткой,
Открыт оазис истинной любви.

Дай миру шанс, Владыка сильный,
Вздохнуть от тяжести оков,
Увидеть небо голубое,
Не слышать грохот сапогов.
Пусть детский смех заменит стоны,
Пусть радость в каждый дом войдет.
Забудут люди про Чернобыль,
И мертвых прах покой найдет.
Еще прошу тебя, Владыка,
Не трожь людей, смири свой пыл.
Не вознеси себя над Богом,
Верни, что было не твоим.

Покажи мне на карте
Страну Чикатилию,
Где подростки и дети -
Объекты насилия.
Где царит в лабиринте
Тиран Зверозавр:
Не совсем человек,
Не совсем динозавр.
Ты не знаешь, где карта
С этой страной?
Ну, не бойся тогда,
И иди вслед за мной.
Мы пойдем, пока Солнце
Висит в небесах,
Чтобы злой чикатилец
Не таился в кустах.
Если хочешь, пойдем,
Там, где небо светлей.
И увидим детей –
Настоящих людей.

Я кладу раствор на камень,

На кирпич кладу раствор.
Надо ведь совсем немного,
Чтоб украсить старый двор.
Я машу с утра лопатой,
И до вечера пашу.
Понемногу отдыхая,
Перекурами сажу.
Не судите слишком строго,
Я – строитель, а не вор.
И соседей удивляя,
Стал красивей старый двор.
Если б люди не тащили
И не крали все подряд,
Мы б давно с родной Отчиной
Встали в мире в первый ряд.
Но пока они воруют,
не подумав о других,
то наш двор благополучный
будет худшим из плохих.
А отбив мерзавцам руки,
Кто на подлости готов.
Мы согреем наши зимы
Заготовкой ихней дров.
Чтобы наши дети жили

Сытно, вкусно, и тепло,
Надо было нам всем дружно
украшать наш двор давно.

И сейчас еще не поздно
Переделать этот мир,
Чтобы наши вурдалаки
Прекратили адский пир.

На кухне стандартной,

убого-квадратной,
Ест, пьет и готовит,
простой человек.
И здесь белье сушит,
мечты свои душит,
Детей жизни учит,
простой человек.
Как в шляпной картонке,
бетонной коробке,
Как мышь, жил и умер
простой человек.
Он будто бы жил,
и как будто бы не жил.
За мышиною возней
коротая свой век.
Но остались другие,
что тоже простые,
Людьми называясь,
Как мыши живут.
К родному заводу,
Как в лес на охоту,
С утра на работу,
Что есть силы бегут.
А есть еще крысы,

Коты, псы и рыси,
и тоже куда-то,
Зачем-то бегут.
За хлеба горбушку,
За рубль, за подушку,
С отважным упорством
Здоровье кладут.
Так в джунглях голодных,
бетонных и злобных,
человек стал животным
из стаи животных.

Кипит активностью пустой

дитя отравленного детства.
Чужой он всем, себе не свой,
мучитель кошек с малолетства.
Ребенок однокомнатной квартиры,
он знает все о пробках.
Он знает и про дыры.
Он знает очень много,
и знает слишком рано
Про тайны папы с мамой
за спинкою дивана.
Он знает, как найти
в квартире пятый угол.
С обломками машинок,
и трупиками кукол.
Он любит сказку на ночь,
И нежный мамин голос.
А утром, кашу с маслом,
печеный к чаю «Колос».
Пройдет однажды детство,
он станет не ребенок.
На жизнь он всю запомнит
вонь кухни и пеленок.
Запомнит все о пробках,
запомнит и про дыры.

Ребенок повзрослевший
из маленькой квартиры.

Я скажу тебе, добрый читатель,

по секрету большому скажу.
Ты ведь хочешь узнать, мой приятель,
что за боль я на сердце ношу?
А болит мое бедное сердце,
за тебя, за себя. За всех нас.
От того, что наш край достославный
уж не тот, что был прежний Кавказ.
И кавказцы совсем изменились,
Уж не те мы, что в прошлых годах.
И все то, чем мы все так гордились,
не вернуть, как лавину в горах.
И мне кажется, добрый читатель,
стало солнце холодным теперь.
Но не все мы еще потеряли.
Ты, как я, в это просто поверь.
Мы вернем наше теплое солнце,
и войдет счастье в каждую дверь.
А для этого нужно так мало,
Ты, как я, в это просто поверь.
Вот у всех бы на сердце болело.
И сумели бы люди понять,
чтобы дерево к солнцу тянулось.
Нужно корни его сохранять.
Ну, зачем старый сад мы срубили?

Он ведь был не совсем еще стар.
А что взялись сажать мы повсюду?
Уж не тех ли данайцев нам дар.
Что возрастет в поколении юном?
Это, точно, не то, что у нас.
И они не сумеют сродниться
С тем богатством, чем славен Кавказ!
Может быть, тебе слишком уж трудно,
моих мыслей весь ход осознать?
Я хочу, чтобы только лишь в лучшем
нас, кавказцев, могли опознать.
Чтобы каждым поступком и словом,
чтоб огнем в выражении глаз
Показать без бравады хвастливой:
надо мной твоя слава – Кавказ!
И не прячьте за спины детишек.
Не бегите быстрее домой.
Вы не видите, что ли, о люди?
Я несу Честь Кавказа с собой!

Ползать не может рожденный летать.

Курятнику домом орлам не бывать.
На мусорной куче в дальнем углу,
в стаде курином нет места орлу.
Петух может только кричать и топтать,
но он - не орел, и не может летать.
Орел - не петух абсолютно во всем.
кто детей кормит мясом, не наестся овсом.
Стало небо ли выше, или горы пониже,
но царят петухи под солнцем на крыше.
Превратили в курятник Великий Кавказ,
Вид орла в зоопарке не радует глаз.

Мы не рабы,

и наш удел не рабство!
Пусть жизни свет
немеркнущим огнем,
Как солнце осветит
все-все углы Кавказа
И смерть покинет нас
с весеннее-мирным днем.
Прекрасней, чем пора
рождения природы,
Когда земля вокруг
готовит летний пир,
Не может быть ничто
у большинства народов.
И с хлебом за столом
над миром правит Мир.
Нам нечего делить
среди гор под нашим солнцем,
Жестоко сиротя детей и стариков.
Но кто-то, далеко,
командуя «отважно».
Ведет за нас бои
на картах, у столов.

Мой великий Кавказ, край непопранной славы.
Держит небо над нами собой, многоглавый.
Наш отец, наша Мать, дом народов – Кавказ.
Держит солнце и звезды над каждым из нас.
Ну, а мы - земляки, мы - по дому соседи,
Как живем, что творим? Старики или дети.
Беспольных амбиций великая глупость
Подменила собой кавказскую мудрость.
Мы готовы с костями друг-друга сожрать.
А зачем, и за что? Никому не понять.
Разве хлеба нам мало, нам мало воды?
У меня солнце больше, чем его видишь ты?
Почему мы на бойню друг друга ведем?
Почему отбираем, но никак не даем?

II

На земле, политой кровью, не поднимутся хлеба.
А расти червям на радость будет красная трава.
Почему никчемной злобой земляки мои полны?
Почему так мир не любят, кто сумел прийти с войны?
Что оставим мы в наследство сыновьям и дочерям?
Куб землицы на могилы их отцам и матерям.
Но оставим мы могилы, их и так везде полно.
Мы должны делить друг с другом, что от солнца нам дано!
Чтобы наши дети, внуки, чтоб Кавказцы – все, все, все,

Не страдали, умирая, в глупых войнах на Земле.

Хоть не можешь не дышать -

ты дыши.
Если можешь не писать -
не пиши.
Чтоб услышал тебя кто -
закричи.
А коль нечего сказать -
промолчи.
Если в небе солнца нет,
льют дожди,
Ты под зонтиком постой,
пережди.
Если в теле силы нет
убежать,
сделай так, чтоб хорошо
было ждать.
Все равно, растает ночь
до утра.
И останутся дожди
во «вчера».

Уверуйте в Любовь,

не мысля о сомненьях.
Уверуйте в Любовь,
как в солнце и луну.
И светом всей души,
без тени самомнения,
Горя с другой душой,
рассейте в буднях мглу.
Пусть искрами горят
по миру Ваши дети.
Пророками глася,
как веруют в Любовь.
И этот злобный мир,
внимая правде жизни.
Воздвигнув храм любви,
в добре воскреснет вновь.

Не ищи меня там,
где меня больше нет.

Я исчезну, как ночь,
лишь наступит рассвет.
Я пришел в этот мир,
Ненавидел, любил,
Находил и терял,
веселился, страдал.
Бризом теплым ласкал,
ураганом сметал,
Был любим, и любил,
не берег – предавал.
Строил счастья дворцы
на сыпучем песке,
И мечтал, что скворцы
Будут петь нам в леске.
Отискрил, отсверкал,
прогорел почти весь,
Нет меня еще там,
Но уже нет и здесь.
Может, будешь всю жизнь
Помнить ты обо мне.
Как о солнечном дне,
и дожде при луне.
Ты когда-то поймешь –
дождик с солнцем дружил.

Я любил, и люблю,
И в любви своей жил.

Кем в прошлой жизни
ты была, Ириша?

Кусочком острым льда,
нависшего над крышей?

Узором на окне
в жестокие морозы?
А может быть, росой
в бутоне алой розы?
А может быть, была
простою зимней стужей?

Зима пришла, ушла,
а ты осталась лужей.
Для каждой лужи есть
жених горячий – Солнце,
Пришел на двор рассвет,
и радуга в оконце.

Вся муть уйдет к земле,
ты снова испаришься.

Опять зима, весна,
а ты не изменишься.
Тебе никак не стать
морозной королевой.
Ты будешь, есть, была,
простою смертной Евой.

Как же так,

как же это случилось?
Почему наше счастье разбилось?

Мы с тобой так
друг друга любили.
А теперь вдруг про это забыли.

Это как мы с тобой ошибались:
Не любили совсем, а игрались?
Вот, наверное, так и случилось,
Отыгралось все, и разбилось.
А любовь – не склероз, не забудешь,
но уснуло в душе, не разбудишь.

Живу один в пустой квартире,
к дивану – шаг, к дверям – четыре.

Жена ушла, и я один,
за мамой вслед ушел и сын.
На уши давит тишина.
Тоска на все три этажа.
Сосед, напившись, бьет жену.
А я сижу, чего-то жду.
Здоровья нет, работы, денег,
в мечтах остался теплый берег.
Остался кофе лишь глоток.
Как бы не рухнул потолок.

Мы с тобою расстались, ни разу не встретясь,
какая нелепость, какая нелепость.
А минуты, часы, слагаются в годы.

За месяцем – месяц, за месяцем – месяц.

И ночь мне на ухо однажды шептала,
что ты ждала тоже. Но только устала.

Ждала и устала, ждала и устала.

Все лета, все зимы, все осени жизни
вернутся к нам как-то весенним теплом.

Мы будем любимы, мы будем счастливы.

Всем бедам назло, всем бедам назло.

Червивая Дама

Красива лицом, изящна, стройна,
радости жизни известны сполна.

Внимание к ней для нее лишь игра,
Королева червей, и червива сама.
Короли и валеты, шестерки, тузы,
колоду по масти кладут на столы.

В партии жизни раздача идет.
И там, где есть покер, червь не живет.
Покер - красавчик, под маской шута,
где прямо, где в бок убивает врага.
Королева на троне, под сердцем сидит,
и червь в ее сердце проходы точит.
Козыри в пику, в колоде моей.
Мне нет больше дела до дамы червей.

Я видел бездомной собаки глаза,
все подьезды закрыты, и хлещет гроза.
И мне показалось, что мы с ней близки:
В глазах ее тоже лужа тоски.

А сколько на свете собак и людей,
как будто забытых у чьих-то дверей?

Сыну

Мой сын,
ты однажды сумел бы понять,
Все то, что хочу я тебе рассказать.

Про сказки, про жизнь,
про любовь и вражду,
 О росе на траве,
и про кровь на снегу.
Как прийти без терзаний
 к согласью с собой.
И принять этот Мир,
что лежит пред тобой.
Мой любимый малыш,
мой храбрец, мой герой.
Научись не согнуться
 под злою судьбой.
Научись уважать свои
 слезы и боль.
И всегда быть собой,
Не играть чью-то роль.

Ты скажи мне, скажи,
 почему ты в слезах?
Почему прячешь дрожь
 в своих губ уголках?
Поделись, расскажи,
 в чем обида твоя.

Не молчи, не таись.
Или мы не друзья?
Разве можно слезами
обиду размыть?
Или я не смогу твою
боль разделить?
Ну, совсем не беда,
потерять – не найти.
А обидел коль кто,
не терпи, а прости.
Не держи в сердце боль,
мой любимый малыш.
Солнце, видишь, оно
все равно выше крыш.
Ну, подумаешь,
дождь наслезил по траве.
Будь как Солнце, малыш.
Всем свети, и везде.

Отрезано, отброшено,
из жизни столько лет.
Растрепанна, разношенна,
без дырки места нет.
Альбом фотографический
все помнит, и хранит.

Комедией трагической
застыл счастливый лик.
Бумагой старой карточки
укрыт от жизни миг.
Девчонкой в белом фартучке
сверкнул из детства блик.
В косичке бант пропеллером,
большой портфель в руках.
Нарядный фартук беленький,
улыбка на губах.
В альбоме фотокарточки,
где старше, и взрослей.
Невеста, Мама, Бабушка,
в кругу друзей, детей.
Что жизнь, водой сквозь пальцев,
годами протекла.
Но вот есть доказательства,
Ты – будешь, есть, была.

- Как жизнь прожить без слез и боли?

Спросила мышь у ветра в поле.
В раздумье ветер аж вздохнул,
и тучу мокрую раздул.

- А что для мыши боль и слезы?

- Коты, отравы и морозы.
- Я понял, мыш, твою беду,
и завтра утром отведу.
Вернись в нору, к своей семье,
приду я утром по росе.
Собрала мать своих детишек,
голодных, грязных, серых мышек.
- Держитесь дети до утра,
и не ходите со двора.
Придет с рассветом ветер теплый,
и отведет нас в край далекий.
Где дождь медовый с молоком,
нагретый солнечным теплом.
И кот зубастый, злейший враг,
уставший бегать от собак,
Не будет мышек обижать.
Где зерна, хлеб, земля, вода,
не убивали никогда.
Послушно, смиренно ждали дети,
когда придет пора рассвета.
Когда по выпавшей росе,
в обнимку с солнцем на заре,
придет за ними ветерок
и отведет их в уголок,

который снился им всю ночь.
И мать, мышата, сын и дочь,
Уйдут искать из сказки поле,
Где жизнь течет без слез и боли.

В горле насыпан песок
сушняком.
Дым ароматный прижат потолком.
Тоска.
На улицах снег,

перетоптанный в грязь.

А в углах тараканы,

и прочая мразь.

Тоска.

С ряской красною глаз,

вот опять, в какой раз,

Смотрит с злобой в окно.

а в витринах вино.

Тоска.

Нет на «Мальборо» вкуса,

на столе «Беломор»,

кружка с «купчиком» крепким,

по душам разговор.

Я тоску свою как-то

крепко в руки возьму

И со страшною силой

с балкона швырну.

Навсегда.

Если буду когда-то

стариком с костылем,

Напишу детям книжку

ни о чем, обо всем.

Расскажу им про жизнь,

про любовь и войну.

А вернуть все назад
опоздал, не смогу.
Никогда.

Вот еще один день
прогорел и остыл.
И мрак, словно пепел,
наш город накрыл.
Как слепой инвалид

Я притих у окна.
А вокруг пустота,
темнота, тишина.
В этих долгих ночах,
без тебя всякий раз,
Не хватает, как звезд,
твоих любящих глаз.
Я, как море без волн,
как вулкан без огня.

Оттого, что где ты
не бывает меня.

Но надежда в душе
бесконечна как ночь,
воду мыслей и чувств
в ступе сердца толочь,
Всей душою надеясь,
веря, любя,
что усну, а проснувшись,
Я встречу Тебя.

Моя милая женщина,
я сравню тебя с музыкой,
То тревожно-порывистой,
То волнующе-чувственной.

В струнах, чутко отзывчивых,
скрыта тайна великая.
И пусть думает глупый,
что ты книга открытая.
Как хочу я,
в тебе убедиться воочию,
но в последних аккордах
звучит многоточие.

В парке на клумбах
спорят цветы,
Кто больше достоин
твоей красоты.
Ждут тюльпаны, нарциссы,

когда ты придешь.
Даже кактус мечтает,
что его заберешь.
Но похоже, Богиня,
ты не можешь понять,
Что и шмель-забияка
умеет страдать.
Он мундир черный с желтым,
на рассвете одел
И в почетном эскорте
улетел, улетел.
Но опять, как всегда,
он остался в тени
И ревниво смотрел,
как ты любишь цветы.
Подними же, Богиня,
нежный бархат ресниц.
И в глазах отразится
твой защитник границ.

Молния, бегущая от грома,
вспыхнула сиятельно во тьме.
И в дождливой песне монотонной,
слышны мне напевы о тебе.
Много слов и добрых, и хороших,

я нашел бы, чтоб сложить в куплет.
Огорчает только невозможность,
Пригласить в соавторы рассвет.
Туч ночных мокрющие разводы
на асфальте круговертью нот.
И умрет под солнцем полуденным
букв и звуков мокрый хоровод.
Мокрую от слез о невозможном,
ляжет в сердце песня о тебе.
О тебе, и близкой, и далекой,
молнией пронесшейся во тьме.
А рассвет, красивый и нарядный,
усмехнется зайчиком в окно
И напомнит песню о неглавном,
что услышал ночью я давно.
Хватит радуг, да и молний хватит,
каждому и каждой на земле.
Но в любом явлении неглавном
слышны мне напевы о тебе.

Проходит ночь, в окне рассвет,
со мной одни воспоминанья.
И может, миг, а может, век,
хранить их будет подсознанье.

Вот новый день, стуча в окно,
уже раскрыл свои объятия,
И окунувшись в суету,
лицом к лицу, столкнусь я с явью.

Руки стали прочнее отточенного клинка,
тело не чувствует боли полученного пинка.
Дух устремлен к победе в жестокой борьбе,
Так с солнцем играет ветер,
так я не противлюсь судьбе.

Я вышел из ночи, и ночью уйду.
Все ночи похожи одна на одну.
Между ночами, в солнечный день,
шпионит из ночи за мной моя тень.
И все свои ночи прожив, как одну,
я, выйдя из мрака, во мрак и войду.

Как надо жить, чтоб быть пророком?
Что надо есть, что надо пить?
Чтоб быть учителем народа,
слова какие говорить?
А может, быть пророком просто,

о чем здесь можно говорить.
Не быть душой всего народа,
а просто всей душой любить.

Попробуйте назвать
столицу Кампучии,
Без справок, да без книжек,
продумав целый день.

И если Вы не знали,
и Вам за это стыдно,
Столица Кампучии
с названием Пномпень.
Когда-нибудь однажды,
А может, даже дважды,
Вы все же проведете
в Пномпене день за днем.
И, может, там поймете,
раз где-то не поняли,
что даже в Кампучии
Вы будете пень пнем.

О, сколько всяческих законов:
материй, духа и судьбы,
Мы, отвергая, утверждаем,
путем бессмысленной борьбы.
Всю жизнь кому-то доказуя –

«Замрите люди – это Я».
И мир за черствость проклиная,
идем на паперть с алтаря.
Затем монашескую рясу
мы примеряем, как наряд.
Забыв Христа и Мухаммеда,
святых к расстрелу ставим в ряд.
А жизнь идет,
и Мир все прежний,
И ход часов неудержим,
но тот закон, что дан нам Солнцем,
один из всех лишь нерушим!

Сознание диктует быт,
а может, Быт велит сознанью?
И сколько жизней нужно жить,
чтобы найти свое призванье?
Быт давит Гения полет,
могилой служит Быт таланту.

Суметь в себе себя открыть,
вот подвиг, по плечу Атланту.
Держать плечами над Землей
бездонность неба голубого,
Сумел всего один Герой,
поправший Быт, как гада злого.

Какая мелочь – человек
в ногах всесильного владыки.

И проживая куцый век,
он сводит прибыль и убытки.

Так кто ты, что ты, и зачем
ты снова здесь, опять явился?

Наверно, чтобы Богом стать,
в евреях Иисус родился.

Как скала в океане бед и невзгод,
неподвластен стихии мой гордый народ.
Народ самых сильных и смелых мужей,
во всем мире известен народ ингушей.
Как клинок беспощадный, булатную сталь,
мой народ отточила казахская даль.

И в землю родную, как в ножны кинжал,
своей твердой рукой сам Аллах возвращал.

Не умеет упругое согнутым быть.
как бы нас не хотели сломать, раздавить,
Старики, дети, жены на горе врагам,
всегда приходили на помощь мужьям.
Как один сеет хлеб, как один строит дом,
и в беде не один, кто рожден ингушом.
И пока светит солнце над каждым из нас,
ингушам будет домом Великий Кавказ.

Люди – красивые,
люди – прекрасные.

Белые, черные,
желтые, красные.
Брюнеты, блондины,

шатены, седые,

Наивные, циники,

добрые, злые.
Но только живут
все они невпопад.
И часто не может
понять брата брат.
Печаль не умеет
понять чью-то радость.
Как юность не может
любить свою старость.
Но я не о кознях
свою речь веду.
Только хочу,
чтоб у всех на виду
Открылись просторы
природы добра
И поняли люди,
что смерть не мудра.
И сколько бы слов
мертвым в след не ронять,
Их из мрака могилы
все равно не поднять.
Что люди должны
счастье жизни ценить.
И всех, кто вокруг,

как себя полюбить.

Райские кущи
одиноким Адамом
представлялись в ночах
сладко пахнущим адом.
Чернокрылая ночь,
для него мать и дочь,
не могла, сон наслав,

ему в горе помочь.
Он бы сердце отдал,
руки, ноги, глаза,
чтобы в этом Раю
его кто-то позвал.
Чтобы слышать извне
свое имя в ночах.
И делить кров и стол
на двоих при свечах.
Он молчал и кричал,
он не ел, и не пил.
Он мечтал полюбить,
он мечтал быть любим.
Все же чудо свершилось,
Бог услышал его!
И на Еву в обмен
выбрал только ребро.
Стал Адам настоящим,
полноценным Адамом.
И запомнил тот рай
сладкопахнущим адом.

Если у Вас опустились руки,
и жизнь показалась мучительной мукой.
Вы просто поверьте, что это пройдет.
И солнышко снова Вас утром найдет.
Оно Вас согреет живительным светом,
и неважно совсем, то зимой или летом.
И в жизни, бывает, случается чудо.

Поймешь ли, что благо. Как бы не было худо.
 За все воздавайте хвалу небесам,
 Во всем человек виноват только сам.
 Где корень несчастий, болезней и бед?
 Лишь только немногим доступен ответ.
 Ошибочно все, все потуги стараний.
 В заблужденье туман, в нем причина страданий.
 Заблуждаются люди с рожденья до смерти.
 Зло внутри нас самих. Это Факт – вы поверьте.
 Ну, бывает когда, опускаются руки.
 Не беда, все пройдет, и блаженство и муки.
 Даже солнце на небе проходит свой круг.
 А оно для Земли верный, преданный друг.
 И зима - не беда. Не беда даже ночь.
 Солнце выйдет всегда, чтобы людям помочь.

СОДЕРЖАНИЕ

В веренице забот нескончаемо длинных	7
В этой жуткой толпе человекоподобных	8
Любовь ушла в бескрайние пустыни	9
Дай миру шанс, Владыка сильный	10
Покажи мне на карте	11
Я кладу раствор на камень	12
На кухне стандартной	14
Кипит активностью пустой	16
Я скажу тебе, добрый читатель	18
Ползать не может рожденный летать	20
Мы не рабы	21
Мой великий Кавказ	22
Хоть не можешь не дышать	24

Уверуйте в Любовь	25
Не ищи меня там	26
Кем в прошлой жизни ты была, Ириша?	28
Как же так	29
Живу один в пустой квартире	30
Мы с тобою расстались, ни разу не встретясь	31
Червивая Дама	32
Я видел бездомной собаки глаза	33
Сыну	34
Ты скажи мне, скажи	35
Отрезано, отброшено	36
- Как жизнь прожить без слез и боли?	37
В горле насыпан песок	39
Вот еще один день	41
Моя милая женщина	42
В парке на клумбах	43
Молния, бегущая от грома	44
Проходит ночь, в окне рассвет	45
Попробуйте назвать столицу Кампучии	47
О сколько всяческих законов	48
Сознание диктует быт	49
Как скала в океане бед и невзгод	50
Люди – красивые	51
Райские кущи	53
Если у Вас опустились руки	55